

Обратный отсчет

«Я тебя в инстаграм повешу! Будешь знать!» — пробормотал в бессилии малыш обидчику. Знак времени — ходовая детская угроза. Взрослые, не без участия юных дарований, балуются кибервойнами. Викиликс стал незаменимой деталью современного жизненного ландшафта. Практически все пылающие ныне вооруженные конфликты и «оранжевые волнения» сопровождаются информационно-коммуникационным сервисом. Интернет и мобильная телефония охватили почти весь мир. И есть только доля шутки в иронии: «У меня в кармане есть штука, дающая доступ ко всем знаниям человечества, но я ее использую, чтобы бороться с незнакомыми людьми и рассматривать фотографии котов».

Однако все эти новеллы — следствия технологической эпохи, которая уходит в архив. В том смысле, что мы, современники, этой эпохой квалифицированы как «цифровые дикари». Пока человек современный будет пытаться из дикости выйти в цифровую цивилизованность, сменятся еще одна-две технологические эпохи. Уже через 15 лет лидеры мирового развития смогут создавать невиданные ранее материалы и производить фантастическую по своим возможностям технику. Широко распространятся технологии послойного создания физического объекта по цифровой 3D-модели, беспилотниками будут не только космические и воздушные аппараты, но и многие наземные, подземные, подводные. Практически рукой подать до полностью автоматизированного управления автомобилем в городских условиях. Это случится сначала в отдельных микрорайонах, а потом стремительно охватит целые регионы. Изменится облик сельского хозяйства и фармацевтики, медицинских технологий. Фундаментально иначе будет выглядеть и происходить образовательный процесс. Волна разнообразных перемен набирает силу. Таков непреложный факт.

Справятся ли имеющиеся структуры управления и матрицы восприятия, культуры с этой волной? Или опять случится то, что бывает, когда разного рода «пирамиды» и «пузыри» и «жажда перемен» затмевают реальное развитие? Ведь главный вызов столетия придет с тех технологических высот, где значение имеет высота духа. От нее — вся прошлая, настоящая и будущая геополитика.

«Каменный век закончился не потому, что закончились камни, и нефтяной век закончится не потому, что закончится нефть», — афористично и справедливо заявил недавно министр нефти Саудовской Аравии. И означает это, что пахнущая нефтью (и как следствие — кровью) геополитика, определявшая многое, если не все главное в мировых войнах и соперничестве XX века, тоже в обозримое время уйдет в архив.

Пока суверенное право отстаивать национальные интересы на международном уровне отнюдь не отчуждено у государств, тем более из состава ядерного клуба. Г. Моргентау полвека назад сформулировал реальную суть такой системы: «В условиях, когда на мировой арене нет четко выраженного „центра власти“, сильные государства делают то, что они могут, а слабые — то, что им позволяют сильные».

В 1990-е годы, казалось кому-то, возник такой «центр». Но именно из этого «центра» с финансовым кризисом и пошел импульс нового глобального разлома. Пошатнулась финансовая мощь — стала страдать мощь экономическая, инвести-

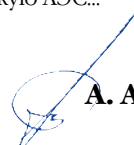
ционная и, следовательно, технологическая и идеологическая. В результате — серьезные сдвиги в балансе сил, уже произошедшие и ожидаемые. Основное — рост значения экономик развивающихся стран и их интересов. Отсюда — рост вероятности военных решений невоенных проблем. Эту связь ясно выразил в 2011 году Пол Кругман: «То, что нам сейчас нужно, — так это финансовый эквивалент войны... Война позволяет осуществлять дефицитное финансирование государственных расходов в масштабах, немыслимых в условиях мирного времени... В течение войны (Второй мировой) федеральное правительство позаимствовало сумму, равную удвоенному ВВП США в 1940 году, что эквивалентно сегодняшним 30 трлн долларов».

По итогам Первой мировой войны США вышли на почти лидирующие позиции в технологическом развитии. За время Второй мировой ВВП США вырос более чем в 2 раза, количество вновь построенных промышленных предприятий превысило 12 тыс., доля США в мировой производственной индустрии выросла в 4,3 раза. США в 1945 году принадлежала половина финансового богатства мира (через предоставление займов, американские иностранные инвестиции и военные долги).

Значит ли это, что нынешняя система международных отношений «беременна войной»? В обнародованном в 2013 году Национальным разведывательным советом США докладе «Глобальные тенденции — 2025: изменившийся мир» перспектива новой мировой войны рассматривается в горизонте двух десятилетий.

Современное понимание войны больше напоминает компьютерные игры — серию перманентных, скоротечных, локальных боестолкновений с использованием относительно малого количества личного состава, высокоточного оружия, беспилотных аппаратов, спутниковой группировки и средств электронного подавления, а также активности «пятой колонны». Цель такой войны — подавить сопротивление, деморализовать силы и дезорганизовать транспортную и жилищно-энергетическую инфраструктуру противостоящей стороны, а затем — выдвигание «условий» дальнейшего существования.

Спровоцировать такую войну может сегодня не только государственная структура. Круг игроков в нынешних конфликтах весьма пестр, как и инструментарий — смесь суперновых кибертехнологий и отравляющих веществ с «коктейлем Молотова», битами и травмататами, фанатами и наемниками. С этим «компотом» словно ожил булгаковский «Бег». Дочитались что ли? Увы, однажды возникшие архетипы могут дремать, но не исчезают вовсе. Сложилась ситуация — ожидают в новых фигурах, лозунгах, устремлениях. И Скоропадские, и Петлюры, и Бандеры, и Богданы Хмельницкие... Правда, ни у кого из них не было тогда соблазна захватить Запорожскую АЭС...

А. Агеев

Авторский блог:
www.ageev.net